Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2017. № 2. С. 24–36.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ КРАЕВЕД МЕЖДУ БОГОМ И РЕВОЛЮЦИЕЙ: СТРАТЕГИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ К СОВЕТСКИМ ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ РЕАЛИЯМ В СУДЬБЕ Н.М. ЧЕРНАВСКОГО

М. А. Базанов
Объединенный государственный архив Челябинской области, Челябинск, Россия

Великая Российская революция (1917–1922) затронула все сферы повседневной жизни людей, вынуждая их адаптироваться к новым условиям существования, в т. ч. и в интеллектуальном аспекте. Изучение биографии провинциального историка и архивиста Н.М. Чернавского позволило выделить на его примере две стратегии интеллектуальной адаптации к советской идеологической среде. Стратегия «попутчика» предполагала взгляд на государство как на равноправного партнера, с которым возможно сотрудничество в рамках проектов, не требующих от интеллектуала полного признания большевистской идеологии. В качестве обоснования необходимости сотрудничества с советской властью выступали ее успехи в деле экономического и культурного развития страны. Стратегия «подмастерья» («ученика») предполагала отношение к государству как к наставнику, в чьи задачи входит разъяснение и контроль за усвоением стандартов мышления и мировосприятия, отраженных в официальной идеологии. Интеллектуал при этом воспринимал себя в качестве ученика, обязанного понять и освоить новые для него идейные конструкции, сама адаптация сравнивалась с ученичеством, предполагающим возможность принятия и штрафных санкций.

Ключевые слова: *Николай Михайлович Чернавский, историк, архивист, официальная государственная идеология, идеализм, материализм, теизм, деизм, агностицизм, позитивизм, марксизм, история архивной системы.*

Великая Российская революция 1917–1922 гг. была переломным моментом в истории России XX в. Единый революционный процесс захватил все сферы жизни общества – экономическую, политическую, социальную, и, что не менее важно, культурную. Старый уклад жизни рушился, и рушился стремительно. Громадная масса людей оказалась «заброшена» в новые социальные реалии, адаптация к которым стала вопросом их физического выживания[1].

Однако процесс вживания не ограничивается одним лишь его бытовым аспектом, равно как и сам человек не ограничивается исключительно своей биологической сущностью. Люди нуждались в обосновании и оправдании своих собственных действий, при этом ссылки на соображения элементарного физического выживания не могли стать универсальным ответом, отводящим все возможные сомнения в правомерности его поведения [Беттельгейм: 1997]. В особенности этот процесс приспособления был труден для российской интеллигенции, в силу как ее большой политизированности и неприятия большинством ее представителей большевистских идеологем, так и традиционно высокой степени ее рефлексии о своем положении и роли в обществе. Все это ставит вопрос об интеллектуальных стратегиях вживания людей в советскую реальность.

Совершенно неправомерно было бы заявлять о том, что эта тема осталась вне фокуса внимания исследователей. Так или иначе, она была реализована в многочисленных биографических работах, «интеллигентоведческих», культурологических, науковедческих и историографических исследованиях. Из общей массы работ стоит выделить статью В.М. Алпатова, на основе изучения биографий отечественных филологов и востоковедов разработавший свою типологию моделей их поведения в 1920–1940-е гг. (он выделил: «революционеров», «конформистов», «плывущих по течению», «отстранившихся») [Алпатов: 2002]. На настоящий момент она представляется наиболее полной и оптимальной для описания профессионального пути российских интеллектуалов в первой половине XX в. Однако явно виден и такой ее недостаток, как отсутствие более мелких, дробных категорий внутри выделенных автором типов (в особенности для «плывущих по течению»). Конечно же, все обилие жизненных путей интеллектуалов «дореволюционной закалки» не может быть сведено исключительно к четырем основным моделям[2], а это означает необходи-

[1] Весьма обстоятельно этот процесс на материалах Уральского региона был изучен И.В. Нарским, [Нарский: 2001].

[2] Что подчеркивали сам автор: «Мы не претендуем ни на исчерпывающую классификацию, ни на сколько-нибудь пол-

мость дальнейшей разработки и усложнения данной схемы. На выполнение данной задачи будет ориентирована и данная статья.

Большая часть «интеллигентоведческих» работ основана на изучении творческого пути весьма узкого круга столичных интеллектуалов, наиболее известных и значимых людей своего времени. От внимания исследователей ускользает жизнь основной массы российской интеллигенции, в силу многочисленных (и зачастую, независимых от них) причин так и не оставивших яркого следа в истории. Полагаем, эта узость эмпирической базы является еще одним из явных недостатков подобных работ, который мы попытаемся устранить в нашей статье.

Полагаем, к числу «персон второго плана» [Миненков, Кореневский, Иванеско: 2010] оптимально подходит фигура Николая Михайловича Чернавского (1872–1940). Этот человек не стал историком российского уровня, да и не стремился к этому. Большая часть его работ так и осталась неопубликованной. Будучи основателем Челябинского архива, талантливый и энергичный, он так и не сделал успешной карьеры. В то же время отложилось немало документов, позволяющих «услышать» этого исторического персонажа, реконструировать детали его повседневной жизни и быта[1]. Более того, усилиями челябинских историков он превратился в одну из самых уважаемых фигур местного краеведения [Боже: 1993; Боже: 1997; Боже: 2001; Макарова: 1997; Феклина: 2010 и др.], а повествование о нем порою начинает принимать даже некоторые агиографические черты.

Наличие обширной литературы о жизни Н.М. Чернавского позволяет не углубляться в детали его биографии, останавливаясь лишь на основных, важных для избранной нами темы, моментах.

Самым важным для понимания его жизненного пути является тот факт, что родился он в семье провинциального священника. Именно происхождение из церковной среды и стало главным препятствием для его дальнейшего полноценного существования в советское время. Поступив в Челябинское духовное училище, Н.М. Чернавский проявляет хорошие способности к обучению, благодаря чему переводится сначала в Оренбургскую семинарию, а затем в Казанскую духовную академию. После окончания академии он работает в системе церковного образования.

Существование Н.М. Чернавского в духовном ведомстве было наполнено постоянными конфликтами с начальством и коллегами, частыми попытками перейти на работу в светское учреждение. В связи с этим наиболее известный из его биографов В.С. Боже сделал ставший хрестоматийным вывод о том, что историк «все более и более уходил от идеи Бога» [Боже: 1997, С. 14], становился все менее религиозным человеком. Нам, однако, таковая версия представляется чрезвычайно уязвимой.

Если обратиться к письмам Н.М. Чернавского к матери, можно обнаружить много нелицеприятных характеристик среды, в которой историк был вынужден работать. Здесь и «ханжество», «лицемерие», «низкопоклонство». Н.М. Чернавский отказывается принять сан священнослужителя и даже переезжает из города в город, спасаясь от подобных назойливых предложений. Частым лейтмотивом в письмах являются жалобы на мелочный контроль со стороны начальства. Так, например, в 1912 г. он пишет: «О. ректор… положительно меня забивает и унижает на каждом шагу своими придирками… Мне нужна свобода и простор [подчеркнуто автором. – *М.Б.*]»[2]. Сохранился рапорт Н.М. Чернавского, датированный 4 мая 1913 г., в котором он объяснял епископу Черниговскому причины своего очередного конфликта с начальством. Однако ни одно из указанных в нем обвинений напрямую не касалось религиозных воззрения историка, все они носили бытовой характер (например, его обвиняли в ведении излишне замкнутого образа жизни – непосещение танцевальных и ученических вечеров, нежелании появляться на публике)[3].В 1912, 1913 и 1915 гг. он обращается в Министерство народного просвещения с просьбой о переводе в светское учебное заведение[4], кроме того, в 1912 г. пишет письма к П.А. и А.А. Столыпину с просьбами посодействовать подобному переводу[5]. Однако стоит заметить, что во всех своих официальных обращениях Н.М. Чернавский связывает с подобным переходом явные карьерные устремления – он

ный охват персонажей» [Алпатов: 2002, С. 200].

[1] Определенную трудность повествованию может составить незначительное число сохранившихся в его фонде источников личного происхождения. Н.М. Чернавский не вел дневников, не оставил после себя мемуаров. Сохранились его письма к родным, но большая их часть относится к периоду до 1917 г. Однако в нашем распоряжении есть его публицистические и научные работы, а так же большое количество источников, традиционно относимых к числу делопроизводственных документов (официальные автобиографии, докладные записки, curriculumvitae), непосредственно отражающих его отношения с официальными властями.

[2] Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-874 «Чернавский Николай Михайлович». Оп. 2. Д. 11. б/л.

[3] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 2. Д. 4. Л. 38–41.

[4] Там же. Л. 45–49об.

[5] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 2. Д. 11. б/л.

просит дать ему место не простого учителя, а непременно директора учительской семинарии или института. Стоит отметить, что церковная среда в начале XX в. переживала глубокий кризис, который вызвал отток из нее многих молодых и энергичных кадров, но лишь единицы из них впоследствии отказались от официального православия [Манчестер: 2015].

Все вышеперечисленные аутентичные источники свидетельствуют о неприятии Н.М. Чернавским жесткой дисциплины и начальственной иерархии в церковных учебных заведениях, говорят о его трениях с коллегами на бытовой почве, однако в них нет никаких свидетельств неприятия им религиозных догм или желании перестроить церковную организацию. Более того, в одном из своих писем он ставит в вину своей жене, совместная жизнь с которой не складывалась, тот факт, что она не соблюдает постов и не посещает церковь, с досадой называя ее «протестанткой в душе»[1].

К середине 1890-х гг. относится начало научной и публицистической деятельности Н.М. Чернавского. Обратив на себя внимание серией историко-статистических очерков по истории отдельных населенных пунктов в «Оренбургском епархиальном вестнике», вскоре он получил задание составить историческую записку к 100-летию Оренбургской епархии. В итоге его замысел перерос изначально поставленную задачу и вылился в громадную двухтомную работу[2].

Так как В.С. Боже уже писал о ее содержании и развернувшейся вокруг нее полемике [Боже: 1997, С. 11–13], ограничимся лишь вопросом о ее методологической основе. Задача эта затруднена тем, что сам Н.М. Чернавский какой-либо методологической рефлексией свое произведение не нагружает, следовательно, исследователям предстоит определить его позиции самостоятельно. Во много помогает этому сама стилистика текста: он написан эмоционально отстраненным языком, сам автор стремится дистанцироваться от описываемых событий. Повествование чрезвычайно насыщено фактами, при этом очень мала доля обобщений, описание событие явно превалирует над их анализом. Н.М. Чернавский столь детально воспроизводит в своей книге тексты источников, что И. Покровский, один из его оппонентов на защите диссертации, отмечал: «<…> легко заметить, что главный и существенный недостаток труда г. Чернавского его несистематичность и отсутствие литературной обработки богатейшего материла по истории Оренб[ургско]-Уфим[ской] епархии. Поэтому работу г. Чернавского ... лучше назвать очерками, заметками или даже собранием материалов»[3]. При этом заметно отсутствие обращений к историософским и социологическим категориям, имевшим бытование на рубеже XIX–XX вв. («дух народа», «человеческое общежитие» и т. д.). Автора интересовали исключительно вопросы административного деления, ведения миссионерской деятельности, образования и реорганизации учреждений, биографии епископов Оренбургских. Все это вместе всякое позволяет отнести Н.М. Чернавского к числу фактографических позитивистов, ставивших своей задачей скрупулезное восстановление исторических фактов в их причинно-следственных связях без обращения к оценочным категориям [см., напр.: Русакова: 2000, С. 68–69; Алеврас: 2013, С. 52–54].

Стоит отметить, что в России начала XX в. подобное отношение к истории в профессиональной среде уже начинало подвергаться критике, сам позитивизм постепенно вступал в полосу кризиса. Вероятно, это и породило массу критических отзывов о книге. На наш взгляд, таковая методологическая позиция автора была следствием его периферийного положения по отношению к профессиональному историческому сообществу – он окончил церковное учебное заведение и никогда не работал в системе высшего образования.

Несмотря на критику, 2 мая 1905 г. после защиты в Казанской духовной академии Н.М. Чернавскому за этот труд была присвоена степень магистра богословия. Однако в дальнейшем его научная деятельность затормозилась. Третий том монографии он будет долго переделывать с учетом замечаний оппонентов, но так и не выпустит в свет (при этом сама рукопись впоследствии исчезнет). По-видимому, негативное влияние на его творчество сыграл и процесс постоянной смены мест жительства (Оренбург, Владикавказ, Пермь, Чернигов, вновь Оренбург).

События 1917 г. он встретил в должности инспектора Оренбургской духовной семинарии и, по совместительству, редактора газеты «Оренбургский церковно-общественный вестник». Именно статьи в этом журнале позволяют судить о его истинной реакции на происходившие в стране перемены.

Центральной для понимания взглядов Н.М. Чернавского стала его статья «К вопросу об отношении социализма к религии»[4]. В ней он

[1] Там же. Письмо датировано 26 января 1912 г.

[2] Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Оренбург, 1900–1902. Вып. 1–2.

[3] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 2. Д. 32. Л. 11об.

[4] Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917, 5 июля, 8 июля.

открыто заявляет о своем неприятии социалистических идей в любой их форме. Социализм, по его словам, «покоится всецело на полном и открытом материализме, пропитанном эгоистическими тенденциями, нагло объявляет нравственные устои понятием условным и изменчивым и смело подрывает этические основы семьи и государства»[1], что особенно остро проявляется в пропагандируемой левыми деятелями идее классовой борьбы. Отрицание частной собственности и свобод личности будет превращать людей в покорных рабов. Да, отмечает он, социализм провозглашает человечество и человека в качестве высшей ценности, «отвергая, как мечту, все сверхчеловеческое», но при этом «современный человек признается лишь средством для следующего человечества и объектом для разных социальных экспериментов»[2]. Н.М. Чернавский объявляет социализм лжерелигией, сместившей, опрокинувшей привычную систему ценностей, подчинившую духовные, культурные потребности материальным. Он отрицает любую возможность сотрудничества, сосуществования и взаимодействия христианства и социалистической идеологии.

В целом Н.М. Чернавский в это время придерживается либеральной политической позиции, оптимальное политическое устройство России видится ему в виде парламентской республики, он призывает духовенство голосовать на будущих выборах в Учредительное собрание совместно с либеральными партиями в противовес социалистам[3]. Во время апрельского кризиса он полностью поддерживает ноту П.Н. Милюкова[4], в августе выражает симпатии Л.Г. Корнилову[5]. Начиная с середины 1917 г. в его текстах явно берут вверх пессимистические ноты. Так, свою статью о выступлении Л.Г. Корнилова он завершает словами: «Беда вся в том, что бедствие-то едва ли поправимо. <…> где найти утешение, когда внутри России кругом анархия и проповедь интернационализма и сепаратизма? Надежда лишь на союзников да на милость Божию»[6].

Постепенно Н.М. Чернавский отходит от участия в издании газеты. С 27 августа 1917 г. он редактирует ее уже совместно с неким о. Д. Коновым, а в феврале 1918 г. окончательно покидает пост редактора. Последующие бурные события «забросили» Н.М. Чернавского на должность директора гимназии (с 1919 г. – школы II ступени) ст. Великопетровской Верхнеуральского уезда Челябинской губернии. Именно там с ним произошло событие, едва не стоившее ему жизни. В марте 1920 г. Н.М. Чернавский произнес в конце литургии речь «о необходимости веры в Бога»[7]. Реакция местных властей последовала незамедлительно: Н.М. Чернавский был арестован и препровожден в Верхнеуральскую тюрьму. Отметим, что он воспроизводил этот факт практически во всех своих позднейших автобиографиях, но при этом всегда пояснял, что истинная причина его задержания состояла в личном конфликте с местным комиссаром Артамоновым, впоследствии исключенным из партии за злоупотребление властью.

Полагаем, этот эпизод можно с полным на то основанием считать одним из переломных моментов в биографии краеведа. Во всяком случае, именно после него начинается продвижение Н.М. Чернавского наверх по карьерной лестнице. Фактически сразу после допроса в ЧК он был отпущен на свободу, и менее чем через месяц получил должность секретаря Верхнеуральского УОНО. Впрочем, заочно ему был вынесен приговор – год лишения свободы условно, а в марте 1921 г. Н.М. Чернавскому даже пришлось побывать в составе заложников. В сентябре 1921 г. он перебирается на работу в г. Челябинск, где вскоре становится организатором и первым заведующим Челябинского губернского (с 1924 г. – окружного) архива. Для Н.М. Чернавского это означало явное повышение социального статуса. В своих письмах к брату и сестре он с явным удовлетворением отмечает улучшение своего материально-бытового положения[8], в более поздних автобиографиях с гордостью подчеркивает, что в голодные годы был прикреплен к «особой столовой на 100 чел. для высокоответственных работников»[9]. Немаловажен был и тот факт, что новая должность открывала возможности для возобновления научной деятельности. Впрочем, работа в находящейся в состоянии становления, постоянно испытывающей материальные затруднения архивной службе была непроста и требовала большого напряжения сил, но Н.М. Чернавский, как показало время, был к этому готов. На тот момент человек с его прошлым вряд ли мог рассчитывать на лучшее место в новом обществе.

Одновременно трансформируются и взгляды самого Н.М. Чернавского. Так, уже в 1918 г. он пишет статью, формально посвященную пере-

[1] Там же. 1917, 8 июля.
[2] Там же. 1917, 5 июня.
[3] Там же. 1917, 14 мая.
[4] Там же. 1917, 27 апреля.
[5] Там же. 1917, 20 июня.
[6] Там же. 1917, 20 июля.
[7] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 99. Л. 39об.
[8] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 2. Д. 11. б/л.
[9] К биографии Н.М. Чернавского (к 130-летию со дня рождения) / публ. Е.П. Туровой // Челябинск неизвестный : краевед. сб. / сост. В.С. Боже. Челябинск, 2002. Вып. 3. С. 464.

ходу страны с юлианского на григорианский календарь. Весьма резко он отзывается в ней о нежелании Русской православной церкви принять «новый стиль». Н.М. Чернавский обвиняет ее в консерватизме и заявляет о необходимости реформ. Статья осталась неопубликованной[1]. В другой заметке, относящейся к тому же времени, он выражает свои симпатии обновленческому движению и вновь заявляет о необходимости радикальных реформ, в т. ч. призывает к отказу от иконопочитания[2].

На этом эволюция его религиозных взглядов не остановилась. Уже, будучи главой Челябинского архива, в своей автобиографии (созданной, как следует из ее содержания, между мартом 1922 г. и январем 1924 г.) историк заявляет: «По религиозному мировоззрению ныне деист. До 1917 г. числился прогрессивным православным священником, будучи (в душе и по убеждениям) протестантом, а потом, хотя и сильно эволюционировал в сторону неверия, но остался сторонником идеализма»[3]. Отметим, что в этой автобиографии историк детально перечисляет свои научные труды, но ничего не говорит о своих историософских и методологических воззрениях, не поясняет своего отношения к марксизму как научной методологии. Н.М. Чернавскому важно было показать свою лояльность именно посредством демонстрации религиозных взглядов и предпочтений. Симптоматично, что для б*о*льшего правдоподобия он начинает «подтягивать» (трудно сказать, насколько искренне) к своим новым убеждениям и дореволюционный этап биографии.

В июне 1924 г. в полном соответствии с проводимой на тот момент архивной реформой при Челябинском окружном архиве появляется должность заведующего политсекцией[4]. В сентябре на эту должность был назначен глава окружного истпарта, бывший сотрудник губЧК Д.М. Чесноков, ставший на тот момент первым и единственным членом РКП(б) среди работников архива[5]. Практически сразу вслед за этим началась череда служебных скандалов. О накале их свидетельствует тот факт, что однажды Д.М. Чесноков в порыве ярости попытался застрелить своего непосредственного начальника из револьвера[6]. И хотя в основе конфликтов, судя по всему, лежали вполне осязаемые, материально-финансовые мотивы, в определенный момент в ход пошли и идеологические аргументы.

В марте 1925 г. Н.М. Чернавский пишет секретарю окрисполкома Н.А. Младову письмо, в котором дает объяснения по поводу своих политических позиций в 1917 г. По всей видимости, главным обвинением против него стали не статьи, направленные против социалистов (во всяком случае, он о них в данном письме не упоминает, хотя и говорит о своей работе в газете), а речь о будущем политическом устройстве России, произнесенная им как председателем политической секции на епархиальном Съезде мирян и духовенства в Оренбурге. Н.М. Чернавский в письме факт своей принадлежности к либеральной платформе подтвердил. Однако вслед за этим он делает существенную оговорку: «Но ведь надо знать время и конъюнктуру того момента. Дело происходило в реакционной среде (выборных от мирян и приходов) и спустя всего два месяца после переворота»[7]. Таким образом, архивист акцентирует внимание на якобы общем консервативном настрое церковной среды, на фоне которого его либеральные взгляды должны были выглядеть прогрессивно. Н.М. Чернавский сильно лукавил – духовенство в целом поддержало Февральскую революцию и проходившие в стране демократические преобразования [Российское духовенство: 2006]. Но подобные утверждения вполне укладывались в советские идеологические каноны, представлявшие священников в качестве верной и убежденной опоры царизма. В рамках этих идеологем позиция Н.М. Чернавского действительно выглядела не столь ущербно.

На этом архивист не останавливается. Говоря о редактируемой им газете, он ставит себе в заслугу то, что он «давал место и для статей левого направления»[8] (умалчивая при этом о том, что вслед за выходом таких материалов следовали его критические заметки к ним). После установления советской власти на Южном Урале он «сразу становился [так в тексте. – *М.Б.*] в надлежащее лояльное и открытое отношение к ней»[9], а по мере ее укрепления и улучшения экономической и культурной обстановки в стране «проникся искренней, душевной преданностью к сов[етской] власти»[10]. В качестве доказательства своей идейной эволюции Н.М. Чернавский приводит пере-

[1] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 120. Л. 1–6.
[2] Там же. Л. 7–8об.
[3] ОГАЧО. Ф. Р-25 «Челябинское губернское архивное бюро». Оп. 1. Д. 2. Л. 107.
[4] ОГАЧО. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 13. Л. 36.
[5] ОГАЧО. Ф. Р-26 «Челябинское отделение Уральского областного архивного управления». Оп. 1. Д. 14. Л. 84а.
[6] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 99. Л. 25–26.
[7] ОГАЧО. Ф. Р-98 «Челябинский окружной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов». Оп. 1. Д. 269. Л. 58об.
[8] Там же. Л. 59.
[9] Там же. Л. 59об.
[10] Там же. Л. 60.

ход от традиционных христианских воззрений к деизму. Далее он описывает свой разговор с председателем губисполкома А.Н. Парамоновым, в уста которого вкладывает фразу: «Мы, коммунисты, от вас всего и не требуем, <…> но лишь бы вы честно и добросовестно работали в духе директив сов[етской] власти»[1]. В конец письма архивист выражал свою надежду на то, что планируемый к изданию в будущем году очерк истории г. Челябинска окончательно развеет все сомнения в его политической лояльности.

Однако в начале 1926 г. архивист обращается в окрисполком с просьбой освободить его от должности заведующего архивом. Одновременно он просил оставить его на «менее ответственной» работе «хотя бы временно», чтобы завершить заказанную ему книгу[2]. Какими мотивами было продиктовано это письмо, было ли оно результатом личных соображений (например, желанием переехать в другой город на более престижное место) или же оно было составлено под давлением местной власти? Источники не дают на этот вопрос однозначного ответа.

Президиум окрисполкома 26 января 1926 г. официально снимает Н.М. Чернавского с его поста и назначает нового заведующего – М.Д. Голубых[3]. Информация об уходе Н.М. Чернавского дошла до г. Свердловска[4]. Уже 3 февраля 1926 г. М.Д. Голубых получил письмо секретаря Уральского облархива А.А. Берса с указаниями насчет дальнейшей судьбы бывшего заведующего. Из него следовало, что вопрос о переводе Н.М. Чернавского в г. Свердловск «принципиально решен», но облархбюро находится «в большом затруднении в связи с безусловной необходимостью окончания подготовленной (к печати) его работы по г. Челябинску»[5]. Н.М. Чернавского предлагалось временно оставить в качестве научного сотрудника архива и сохранить ему прежнюю заработную плату, покрыв разницу за счет средств, отведенных на издание книги (от гонорара, подчеркивалось в послании, он отказался). Первоначально это предложение Уральского облархива было реализовано[6], однако уже 20 февраля М.Д. Голубых подписал приказ об увольнении историка[7]. Впоследствии он объяснил мотивы своего поступка облархиву следующим образом. Ознакомившись с черновиками первых трех глав рукописи по истории Челябинска, он якобы убедился в ее «немарксистском» характере, увидел, что «в сборнике необычайно много уделено внимания истории возникновения церквей», поэтому тот «будет являться скорее хорошей справочной книгой для священнослужителей Челябинской епархии, чем “Историей Челябинска” в полном смысле этого слова»[8]. Из этого вытекал вывод – книга может увидеть свет лишь после ее тщательного редактирования, что потребует дополнительных финансовых средств, которые и было решено сэкономить за счет увольнения Н.М. Чернавского.

Несмотря на столь резкий отзыв о его новом труде, Н.М. Чернавский все же в марте 1926 г. завершил свою работу над ним[9]. В том же году усеченная версия планируемой книги (так, например, был полностью убран раздел по истории города после 1917 г.) увидела свет в сборнике «Материалы к прошлому города Челябинска»[10]. Сам автор этим изданием остался недоволен[11].

В марте 1926 г. архивист переезжает в г. Пермь, где получает рекомендацию от самого начальника окротдела ГПУ А.П. Коростина (ранее возглавлявшего Челябинский окротдел ГПУ)[12]. Что связывало вместе этих двух людей, почему чекист взялся помогать бывшему директору архива – остается неясным. Однако вскоре Н.М. Чернавский был назначен на должность главы Пермского окружного архива.

Карьера в Перми не задалась. В 1927 г. место заведующего было передано человеку с партийным билетом, а в 1928 г. историка уволили по сокращению штата. Оставшись без привычной для него работы, Н.М. Чернавский официально оформил инвалидность, а в дополнение к ней попытался получить и персональную пенсию (пенсия по инвалидности составляла 35 руб., в то время как ученый надеялся добиться еще 300 руб. в месяц). В качестве аргумента в пользу назначения таковой приводились его научные заслуги. Согласно заявлениям Н.М. Чернавского, предоставление персональной пенсии может открыть для него возможность полностью посвятить себя исследовательской деятельности, что, якобы по-

[1] Там же. Л. 60-60об.
[2] ОГАЧО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 1336. Л. 33.
[3] ОГАЧО. Р-98. Оп. 1. Д. 1350. Л. 177.
[4] На тот момент Челябинский окружной архив являлся структурным подразделением Уральского областного архива, располагавшемся в центре Уральской области – г. Свердловске.
[5] ОГАЧО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 38. Л. 19–19об.
[6] ОГАЧО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 26. Л. 30–31.
[7] ОГАЧО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 29. Л. 32.
[8] ОГАЧО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 26. Л. 32.
[9] См.: ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 10, 11.
[10] См.: Чернавский Н.М. Сжатый очерк развития города Челябинска // Материалы к прошлому города Челябинска. Челябинск, 1926. С. 7–22.
[11] К биографии… С. 453–454.
[12] Там же. С. 454.

шло бы на пользу государства[1]. Одновременно с подачей заявления и связанных с ним бумаг историк берется за новый исследовательский проект – перевод поэмы Суффи Аллаяра «Саботуложизин» со староузбекского (чагатайского) языка. Выбор представляется несколько странным – поэма носила религиозный характер, однако сам ученый заявлял, что перевод таковой будет иметь большое «значение для антирелигиозной борьбы с исламом»[2]. Выбор этот вполне логичен и в свете полученного им образования – он окончил миссионерско-татарское отделение восточного факультета. Кроме того, отказ от написания самостоятельной работы и обращение к переводческой деятельности могло обезопасить от возможных обвинений в «неправильном» методологическом подходе к материалу. Вскоре он переезжает в Казань, где ему обещал оказать содействие в переводе мулла Иманкулов.

Жизнь, однако, вновь сделал разворот и в декабре 1928 г. Н.М. Чернавский переезжает на работу в г. Свердловск, где становится научным сотрудником Уральского областного архива. Дело о предоставлении пенсии было прекращено по не вполне ясным причинам (сам Н.М. Чернавский считал, что это произошло по инициативе директора Уральского архива Д.А. Киселеева)[3]. Однако и в этом месте положение его оказалось чрезвычайно шатким.

В архиве начинается кампания по чистке аппарата. 13 февраля 1931 г. было принято решение – историка уволить, так как он «публично от церковного сана и взглядов не отказывается», «звание научного сотрудника получил каким-то образом за ненужные и вредные обществу труды… религиозного и монархического характера», а кроме того «совершенно чужд марксистскому пониманию исторических событий»[4]. С этого момента начинается его упорная борьба за отмену этого решения, которая вновь потребовала от него публичного объяснения своей позиции по отношению к советской власти и официальной государственной идеологии.

Конечно же, проще всего было опровергнуть обвинение в том, что он публично не сложил с себя церковный сан – ведь такового у него попросту никогда не было. Службу в системе церковного образования Н.М. Чернавский отказывался рассматривать в качестве компрометирующего обстоятельства, так как «духовные семинарии не были просто конфессиональными школами, а лишь сословными средними школами, откуда многие поступали в университет по дипломам»[5]. В связи с этим историк не преминул указать и на семинарское образование И.В. Сталина. Степень магистра богословия также была присуждена ему лишь потому, что «других степеней в духовных академии не было»[6], в реальности же он был автором работ по церковной истории (и в этом ученый никоим образом не кривил душой). Ссылка на его политические заявления в «Оренбургском церковно-общественном вестнике» позволяла опровергнуть обвинения в якобы монархических взглядах ученого. Свое происхождение из среды духовенства, писал он, «полагаю не вина, а лишь мое несчастье <…> А главное я совершенно деклассировался и загладил вину усердной службой при советской власти»[7].

Однако наиболее болезненным стало отношение Н.М. Чернавского к религии, которое одновременно увязывалось с его отношением к марксистской идеологии. Еще до вынесения решения Н.М. Чернавский в своем официальном письме в адрес комиссии по чистке аппарата облархива, где пытался прояснить свои религиозные убеждения. Он именовал себя материалистом, доказывая это своим принятием тезисов Г. Бюхнера: «нет силы без материи» и «материя и сила это одно». Из этого Н.М. Чернавский выводил отсутствие у живых существ бессмертной души. Отрицал он и наличие божественного промысла, именовал «суеверием» любые современные ему формы религии, призывал с ними бороться. Однако – и это выглядит парадоксально – он заявлял: «<…> для происхождения мира и самой материи [существует] необходимость первопричины или Высшего Разума, но без дальнейшего вмешательства в жизнь мира». Подобное мироощущение, уверял он, «не может <…> компрометировать мою репутацию как научного сотрудника и специалиста в области тюркологии»[8].

Конечно же, комиссия по чистке не была удовлетворена такими объяснениями. В апреле и мае историк вновь обращается сначала в районный РКК, затем – областной Рабкрин с новыми письмами. В них он более четко пытается определить свое отношение к марксисткой философии. На этот раз ученый писал: «<…> я никогда не был против марксизма и считаю его последним светом науки, обязательным для себя. И в своих сочине-

[1] Там же. С. 454–456.
[2] Там же. С. 455.
[3] Там же.
[4] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 96. Л. 4.
[5] Там же. Л. 1а.
[6] Там же. Л. 8.
[7] Там же. Л. 1об.
[8] Там же. Л. 1.

ниях я провожу эту теорию, насколько могу. Следовательно, я только не марксист, а не антимарксист. Разница большая. Я стою на точке зрения позитивизма, базирующемся на материализме»[1]. В мае он пишет официальное заявление в газету «Уральский рабочий», в котором говорит: «Ныне, желая быть последовательным и выдержанным логически до конца, в уровень с современным веком и в контакт[е] с марксистско-ленинским мировоззрением, заявляю о своем отходе от позитивизма и философии признания Высшего Разума…»[2]. Однако – и это важно отметить – Н.М. Чернавский уходит в заявлении от вопроса о том, означает ли этот «отход» признание себя атеистом. Видимо, именно в силу этого в публикации письма ему было отказано[3].

Но самым главным его аргументом в лояльности должна была стать публикация критического очерка о христианской религии (по нашему мнению, именно эта работа и стала причиной обрушившихся на него идеологических нападок). Книгу эту он сдал в печать еще в мае 1930 г., однако она – не будучи еще публикована – удостоилась отрицательных отзывов в печати[4] и была возвращена автору для доработки[5]. В личном фонде историка сохранилась лишь ее поздняя редакция, самим автором датированная 1 августа 1931 г.[6]

В книге Н.М. Чернавский констатировал тот очевидный факт, что в его построениях «создалась некоторая непоследовательность, ибо с отрицанием особой духовной субстанции не получалось ни смысла, ни цели держаться за презумпцию Высшего Разума»[7]. Казалось бы, единственным выходом из ситуации для любого, кто стоит на позиции материалистического мировоззрения или просто исходит из тех же идейных посылок, должно было стать отрицание любого высшего начала – атеизм. Однако Н.М. Чернавский вновь проявляет свой парадоксализм – он «ищет спасения» в агностицизме, то есть фактически оставляет вопрос о существовании Бога (Высшего Разума) открытым, лишь признавая невозможность обоснования его бытия посредством научных методов.

Структурно основную часть содержания своего очерка архивист разделил на две главы. В первой он критикует догматы о единстве божественной и человеческой природы Христа и троичности Бога; во-второй – догмат о воскресении. Таким образом, историк атакует не христианскую религию как систему, он останавливается лишь на отдельных (пусть и входящих в число центральных) ее положениях. Невероятно странными – для антирелигиозной книги начала 1930-х гг. – были приводимые в ней аргументы. Так, он обращается к тексту Нового Завета, указывая на те места, где Христос якобы противопоставляет себя Богу, где к нему обращаются как к простому («тварному») человеку. Говоря о его воскрешении, Н.М. Чернавский не ограничивается указанием на физическую невозможность такового, а начинает поиск внутренних противоречий в самой доктрине, запечатленных в Священном Писании. Так, по его наблюдениям, в тексте говорится о том, что Христа воскресил Бог, в то время как христианский догмат говорит о том, что «Христос воскрес сам»[8].

Но еще более странно заключение «Исповеди» (именно такое название он дал своей работе). Из всего сказанного Н.М. Чернавский делал вывод – христианство в ходе своего развития впитало, под влиянием греческой культуры, ряд языческих черт, тем самым отойдя от своей изначальной первоосновы. По сути, этим и завершался весь пафос проведенного им исследования. Конечно, вслед за выводом говорилось о слепом следовании традиции, обскурантизме и невежестве простых верующих, не желающих размышлять над положениями собственной религии, но это уже ничего не меняло. Опровержения христианства как общественного явления, равно как и цельной системы христианских представлений, в книге не обнаруживается. Настоящим шоком для читателей того времени были финальные слова «Исповеди»: «Однако, самый элемент веры, в смысле именно уверенности и убеждения, не должен

[1] Там же. Л. 2об.
[2] Там же. Л. 10.
[3] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 91. Л. 3.
[4] Приведем несколько выдержек из критического отзыва: «Следуя методом спекуляций и богословско-философским основаниям, автор отвергает лишь одно, что богословы и философы средневековья навязали Христу божественную роль, тогда как он просто человек и сам божественной роли себе не приписывал. Ни к чему иному и не придешь, пользуясь методом гр. Чернавского!», «Все эти мудреные слова значат лишь одно: бывший богослов собрался бороться с религией в ее архаическом виде, в виде почитания старца с широкой седой бородой…, но он совсем не думает признать материализм Маркса-Ленина. Он стыдливо говорит о своей остановке на грани между материализмом и идеализмом, а на самом деле остается более прилично одетым в ученые слова, загримированным богословом», «Та вера, гр. Чернавского и похожих на него религиозных людей – есть суеверие, недалеко ушедшее от грубого и неприкрашенного мракобесия» [Щепкин: 1930. С. 154–156].
[5] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 96. Л. 2, 6а; К биографии… С. 464.
[6] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 91. Л. 1–21.
[7] Там же. Л. 3.
[8] Там же. Л. 14.

быть, по-видимому, совершенно чужд коммунизму, как якобы сторонняя наслойка [так в тексте. – *М.Б.*], отдающая идеализмом. Ибо коммунизм, по нашему мнению, должен быть не просто научным построением, последним словом науки, но и философемой, заключая в себе убежденность и пафос веры в величие и конечные задачи социалистического строительства человеческого общества и всей экономики. Чтобы быть истинным коммунистом, а не просто карьеристом или бездушным адептом, недостаточно изучать или сухо проштудировать его теорию, но и необходимо всей душой и сознанием увлечься им, как непреложной истинной.… Ибо сказано, по Писанию, "и бесы веруют (в смысле – осознают), что Бог один есть" с вечной правдой, но "трепещут"»[1]. Столь откровенное сравнение советской идеологии с религиозной верой, да еще и подкрепленное цитатой из Священного Писания, не могло не вызывать реакции отторжения у идеологически подкованных товарищей.

Итог подобных апелляций очевиден. Сравнение поздней редакции работы с уже прозвучавшими в прессе критическими отзывами показывает, что ее автор при редактировании ограничился лишь незначительными «косметическими» поправками, ничего не меняющими, по сути. Книга, конечно же, так и не увидела свет. А в сентябре 1931 г. ЦК Рабкрина фактически подтвердила ранее вынесенное решение[2]. Работу архивиста Н.М. Чернавский оставил навсегда.

Некоторое время, впрочем, он еще имел возможность заниматься научной работой. В июле 1931 – декабре 1932 гг. Н.М. Чернавский составлял для редакции Уральской Советской энциклопедии (с которой он заключил договор) и Института марксизма-ленинизма (в которой его даже приняли в качестве научного сотрудника) справочник «Указатель узаконений об Урале» на основе «Полного собрания законов Российской империи». Одновременно он был ученым хранителем научно-технического кабинета треста «Востокруда»[3].

Оформление на последнее место работы потребовало рекомендации от Секции научных работников Уральской области. В своем письме в эту организацию от 19 июня 1931 г. Н.М. Чернавский после очередного своего признания в том, что он «не антимарксист», а всего лишь «не марксист», писал: «…однако марксисты не поэты, которые только родятся, но не делаются, а, следовательно, всякий может сделаться марксистом при желании и наличии большого усилия и философского углубления [так в тексте. – *М.Б.*]. У меня это желание и усилие есть налицо»[4]. В итоге бюро СНР в своих рекомендациях отметило наличие у Н.М. Чернавского развитых навыков архивной работы, хорошее знание фактического материала по истории Урала и отточенный литературный стиль его произведений, но одновременно – полное отсутствие в трудах ученого социально-экономического анализа исторических событий. Вывод был следующим – Н.М. Чернавскому стоит дать работу, «которая имела бы задачу первоначального, служебного свойства»[5], то есть отвести ему простейшую справочную деятельность (чем он, в итоге, и занимался), не предполагающую глубокого осмысления материала.

В 1933 г. обе должности были потеряны, а срок договора с редакцией энциклопедии истек. Сильно болевший Н.М. Чернавский работал на дому кустовым счетоводом-бухгалтером, обслуживая нужды одновременно нескольких жактов. Незадолго до смерти он пробует (и вновь безуспешно) оформить себе академическую пенсию, что потребовало от него очередного изъяснения с властями. В частности, в 1938 г. он составил свою автобиографию[6], в которой, впрочем, лишь повторяются уже прозвучавшие в начале 1930-х гг. заявления. Организованная Союзом работников высшей школы и научных работников комиссия в составе С.В. Юшкова и И.Г. Факидова (историком, и, надо отметить, известным, был лишь первый из них) в феврале 1938 г. постановила: «Им [Н.М. Чернавским. – *М.Б.*] написан целый ряд работ, которые будучи доведены до конца, обработаны и надлежащим образом отредактированы историком-марксистом, были бы крупным вкладом в сравнительно небогатую историческую литературу Урала»[7]. Таким образом, Н.М. Чернавскому все равно отводилась специалистами лишь подсобная, справочная роль человека, чье предназначение – «подтаскивать» факты для аналитиков. Пенсию он так и не получил. Умер архивист в феврале 1940 г.

После всего сказанного вполне логичен вопрос о том, насколько искренен был Н.М. Чернавский в своих письмах и заявлениях в адрес официальных органов власти? Отражают ли они его истинные взгляды или являются лишь ритуальными заверениями в своей лояльности? По-

[1] Там же. Л. 20–21.
[2] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 103. Л. 19.
[3] К биографии... С. 457.
[4] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 104. Л. 7–7об.
[5] Там же. Л. 24об.
[6] См.: К биографии… С. 449–465.
[7] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 99. Л. 15.

лагаем, что все вышесказанное вполне логично подводит к выводу об искренности автора. Приспособленец, прагматично относящийся к написанному им, не стал бы столь упорно держаться за сложившиеся у него воззрения, сравнительно легко и просто бы перешел к покаянию и отказу от приписываемых ему «ошибок» и «недостатков». В своей автобиографии Н.М. Чернавский пишет о «некоторых лицах», которые «советовали затаить в душе своей агностицизм, как противный духу времени, а внешне выступить в роли безбожника», но, по словам архивиста, «на лицемерие я не пошел, хотя бы это и сулило мне разные житейские выгоды…»[1]. Об искренности автора свидетельствует и тот факт, что практически во всех своих автобиографиях он упоминает и факт своего ареста в 1920 г., не предпринимая попыток скрыть его от своих читателей.

Какие мотивы, помимо элементарного физического выживания и достижения психологического комфорта толкали его на попытки «встроиться», адаптироваться к чуждой ему идеологической среде? Полагаем, приведенные выше источники ярко говорят о двух таких «дополнительных» мотивах: стремление к материально-финансовому благополучию и желание заниматься научной деятельностью. Оба эти стимула в его биографии порою столь тесно переплетаются, что зачастую невозможно дать ответ: обращается ли архивист к написанию очередной работы ради получения финансовой выгоды или же пытается получить финансовые средства ради возможности углубиться в научную деятельность? С учетом постепенно нараставшего идеологического контроля над научными институтами, в т. ч. и над архивной системой, ученый неизбежно вставал перед выбором: или начать писать «в стол», не рассчитывая на вознаграждение, или усвоить новые, навязываемые «сверху» критерии качества исторического исследования. Исключения из этих правил, конечно же, были, но в число таковых попадали либо статусные фигуры, имевшие большой авторитет в научной среде [Долгова: 2015], либо те, кто имел влиятельных покровителей среди власть имущих [Тихонов: 2014]. Провинциальный краевед такими ресурсами не располагал.

В целом процесс интеллектуальной адаптации Н.М. Чернавского к советскому строю с долей условности можно разделить на два этапа, первый из которых охватывает время с 1918 по начало 1931 г., второй – с января 1931 по февраль 1940 г. На первом этапе архивист позиционирует и мыслит себя в качестве «попутчика», отрицающего старые порядки (отсюда и его стремление подчеркнуть свои «прогрессивные» по отношению к царскому строю позиции до и во время революции 1917 г.), симпатизирующего советской власти, но не разделяющего всех ее идеологем. Его официальные письма и автобиографии того времени фактически выглядят как приглашения властям к взаимовыгодному (и, в какой степени, даже равноправному) сотрудничеству. Следует отметить, что репрессивное давление со стороны власти, скорее всего, не играло на тот момент определяющей роли в его идейной эволюции. Во всяком случае, первые критические по отношению к православной церкви тексты с призывами к радикальным реформам, датируются 1918 г., в то время как первый серьезный конфликт, связанный с его убеждениями, относится к 1920 г. Первоначально власть к подобному сотрудничеству была готова, но начиная с 1926 г. неустойчивость занятой Н.М. Чернавским позиции становится все более и более очевидной. Решение комиссии по чистке аппарата облархива подводит черты под первым этапом процесса адаптации к новым реалиям. Становится ясно, что власть нуждается не в равноправных партнерах, а в послушных адептах. Поэтому на втором этапе Н.М. Чернавский уже позиционирует себя в качестве «ученика», «подмастерья». В его письмах звучат фразы о том, что марксизм «обязателен для него», заверения в готовности осваивать новую для него историософскую концепцию, историк публично демонстрирует сближение своих идейных позиций с официальной идеологией (переход от деизма к агностицизму). Однако это «ученичество» так и осталось на уровне деклараций – марксистом краевед так и не стал, к отрицанию Бога (Высшего Разума) не перешел. Фактически это и закрыло ему путь в любые научные учреждения.

Один из главных парадоксов жизненного пути Н.М. Чернавского состоял в том, что именно заверения в лояльности и вызывали ответные карательные меры в его адрес (очерк по истории г. Челябинска привел к увольнению, «Исповедь» дала возможность обвинить его в немарксистском отношении к религии). Причиной этого стало то обстоятельство, что все они если и содержали критику старых дореволюционных порядков, то это была критика «изнутри», сама строящаяся на «устаревших» (для адептов нового строя) предпосылках. Наиболее ярко это заметно на примере «Исповеди», которая более походит на сочинение еретика, а не антирелигиозного пропагандиста. Что же, в таком случае, мешало Н.М. Чернавско-

[1] К биографии… С. 465.

му освоить новый для него «язык»[1] и тем самым влиться в «стройные ряды» советских провинциальных исследователей? Первая и самая очевидная причина того – его возраст. Революцию он встретил сорокапятилетним зрелым человеком со вполне сложившимися к тому времени взглядами на жизнь. Чем старше становится человек, тем труднее ему дается очередной отказ от своих убеждений. Вторая причина – весьма банальное отсутствие глубоких познаний в области философии и методологии исторической науки. О том, насколько плохо Н.М. Чернавский ориентировался в современных ему философских учениях, свидетельствует, например, присутствующая в «Исповеди» классификация «философских течений мысли», «выливающихся [так в тексте. – *М.Б.*] в основном в материализм, позитивизм и идеализм», причем «позитивизм» «занимает средину между материализмом и идеализмом (sis – !)»[2], а в придачу к этим трем учениям упоминается и «коммунизм», который автором отделяется от «материализма», хотя он и занимает одну с ним позицию по отношению к вопросу о бытии Бога. Все это вполне естественно, если принять во внимание тот факт, что Н.М. Чернавский получил высшее церковное образование, всю жизнь работал вне системы высшего образования и академических институтов (не считая его краткого сотрудничества с ИМЭЛ), долгое время после революции провел вдали от крупных культурных и научных центров (в Челябинске первый вуз был открыт лишь в начале 1930-х гг.). Сам характер архивной работы оставлял чрезвычайно мало времени на самообразование. Наконец, третья причина, во многом вытекающая из второй – Н.М. Чернавский жестко связал вопрос о своей лояльности советской власти лишь с религиозными взглядами, совершенно игнорируя при этом смену методологического инструментария своих исторических работ. Заданные рамки статьи не позволяют обстоятельно проанализировать написанное им после 1917 г., отметим лишь, что новым работам присущи те же черты, что и предыдущим. Для них характерен упор на воспроизведение исторических фактов в ущерб изучению исторических процессов, близость текста повествования к тексту источника (что особенно заметно по его стилистике), отсутствие социально-экономического анализа излагаемых событий. Все это говорит о том, что Н.М. Чернавский так и не смог покинуть рамок фактографического позитивизма.

Итак, суммируем все сказанное выше. На примере Н.М. Чернавского можно увидеть две интеллектуальные стратегии «вживания» в советскую среду: во-первых, стратегию «попутчика»; во-вторых, «подмастерья». Обе они сходятся в отрицании старого порядка, готовности к сотрудничеству с новым строем в силу наличия определенных симпатий к нему (а не только из соображений физического выживания). Однако стратегия «попутчика» предполагала восприятие власти как равноправного партнера и сравнительно небольшую роль внешнего принуждения и репрессивного давления «сверху», а позиция «подмастерья» – восприятие власти в качестве жесткого наставника, видение официальной государственной идеологии как «обязательного» и единственно прогрессивного стандарта мировосприятия, который необходимо осознать и усвоить.

[1] В данной статье мы сознательно воздерживаемся от употребления термина «дискурс», основательно девальвировавшегося от частого употребления и множественности смыслов, закладываемых в него авторами.

[2] ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 91. Л. 20.

Список литературы

1. Алеврас Н.Н. Русская историография XIX – начала XX века : в 2 ч. Челябинск, 2013. Ч. 2.
2. Алпатов В.М. Филологи и революция // Новое литературное обозрение. 2002. № 53(1).
3. Беттельгейм Б.О психологической привлекательности тоталитаризма // Знание-сила. 1997. № 8.
4. Боже В.С. «Челябинская» тема Н.М. Чернавского // Челябинск в прошлом и настоящем : материалы науч. краевед. конф. Челябинск, 2001.
5. Боже В.С. Историк Оренбургского и Уральского края // Чернавский Н.М. Материалы к истории Челябинска. Челябинск, 1993. С. 3–15.
6. Боже В.С. Чернавский Николай Михайлович (1872–1940) // Летописцы земли уральской: Материалы к истории челябинского краеведения / сост. В.С. Боже. Челябинск, 1997.
7. Долгова Е.А. «Смерть моя была бы громадной семейной катастрофой»: сюжеты из жизни «буржуазного» профессора в 1920-е гг. // Российская история. 2015. № 4.
8. Макарова С.Н. К юбилею Н. М. Чернавского // Архивное дело в Челябинской области. 1997. Вып. 2.

9. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015.

10. Мининков Н.А. Кореневский А.В., Иванеско А.Е. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя // В тени великих: образы и судьбы / отв. ред. Л.П. Репина. СПб., 2010.

11. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

12. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году / сост., пред. и комм. М.А. Бабкин. М., 2006.

13. Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000.

14. Тихонов В.В. Историки и советская власть в 1920–1940-е гг.: патроны и клиенты // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 19 (141).

15. Феклина О.Б. Н.М. Чернавский о принципах миссионерской деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30 (211). История. Вып. 42.

16. Щепкин, И. Диалектический материализм – на антирелигиозный фронт // Просвещение на Урале. 1930. № 3–4.

Сведения об авторе

Базанов Михаил Александрович – кандидат исторических наук, ведущий археограф отдела публикации и научного использования документов, Объединенный государственный архив Челябинской области (ГУ ОГАЧО). Челябинск, Россия. bazanov.86@mail.ru

---

Magistra Vitae.
2017. No 2. P. 24–36.

PROVINCIAL LOCAL HISTORIAN BETWEEN GOD AND THE REVOLUTION: STRATEGIES FOR INTELLECTUAL ADAPTATION TO SOVIET IDEOLOGICAL REALITIES IN THE FATE OF NICOLAY CHERNAVSKY

M. A. Bazanov

United State Archive of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia. bazanov.86@mail.ru.

The Great Russian Revolution (1917–1922) influenced all spheres of everyday life of people, forcing them to adapt to new conditions of existence, including the intellectual aspect. The study of the biography of the provincial historian and archivist Nikolay Chernavsky allowed us to identify two strategies of intellectual adaptation to the Soviet ideological environment. The strategy of the "fellow traveler" presupposed the attitude to the Soviet state as an equal partner with whom one can cooperate in projects that did not require the intellectual to completely subordinate Bolshevik ideology. The successful economic and cultural development of Soviet Russia justified the cooperation with the Soviet government. The "apprentice" ("disciple") strategy implied an attitude toward the state as a mentor who explained and controlled the assimilation of the standards of thinking and world perception reflected in the official ideology. The intellectual at the same time perceived himself as an learner, bound to understand and master new ideological constructions for him, the adaptation itself was compared with the apprenticeship, which presupposed the possibility of acceptance and penal sanctions.

Keywords: *Nicolay Chernavsky, historian, archivist, official state ideology, idealism, materialism, theism, deism, agnosticism, positivism, Marxism, history of archives.*

References

1. Alevras, N. N. (2013). *Russkaja istoriografija XIX – nachala XX veka. T. 2* [Russian historiography of the XIX – early XX century. Vol. 2]. 236 p. Chelyabinsk. (In Russ.).

2. Alpatov, V. M. (2002). Filologi i revoljucija [Philologists and Revolution], *Novoe literaturnoe obozrenie, 53(1)*, pp. 199–216. (In Russ.).

3. Bettel'gejm, B. (1997). O psihologicheskoj privlekatel'nosti totalitarizma [On the psychological attractiveness of totalitarianism], *Znanie-sila*, *8*. pp. 103–109. (In Russ.).

4. Bozhe, V. S. «Cheljabinskaja» tema N. M. Chernavskogo [The "Chelyabinsk" theme of N. M. Chernavsky]. In Bozhe, V. S. (ed.). (2001). *Cheljabinsk v proshlom i nastojashhem : materialy nauch. kraeved. konf.* (pp. 11–13). Chelyabinsk. (In Russ.).

5. Bozhe, V. S. Istorik Orenburgskogo i Ural'skogo kraja [Historian of the Orenburg and the Urals]. In Chernavskij, N. M. *Materialy k istorii Cheljabinska* (pp. 3–15). Chelyabinsk, 1993. (In Russ.).

6. Bozhe, V. S. Chernavskij Nikolaj Mihajlovich (1872–1940) [ChernavskijNikolajMihajlovich (1872–1940)]. In Bozhe, V. S. (comp.). (1997). *Letopiscy zemli ural'skoj : materialy k istorii cheljabinskogo kraevedenija* (pp. 8–32). Chelyabinsk. (In Russ.).

7. Dolgova, E. A. (2015). «Smert' moja byla by gromadnoj semejnoj katastrofoj»: sjuzhety iz zhizni «burzhuaznogo» professora v 1920-e gg. ["My death would be a huge family catastrophe": the stories from the life of the "bourgeois" professor in the 1920s.], *Rossijskaja istorija, 4*, pp. 77–89. (In Russ.).

8. Makarova, S. N. (1997). K jubileju N. M. Chernavskogo [To the jubilee of N. M. Chernavsky], *Arhivnoedelo v Cheljabinskoj oblasti, 2,* pp. 102–106. (In Russ.).

9. Manchester, L. (2015). Popovichi v miru: duhovenstvo, intelligencija I stanovlenie sovremennogo samosoznanija v Rossii [Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia and the Modern Self in Revolutionary Russia]. 448 p. Moscow. (In Russ.).

10. Mininkov, N. A., Korenevskij, A. V., Ivanesko, A. E. (2010). Chelovek «vtorogoplana» v kontekste sovremennoj istoriografii: pjat' let spustja [A man of the "second plan" in the context of modern historiography: five years later]. In Repina, L. P. (2010). *V tenivelikih: obrazyisud'by* (pp. 19–28). St. Petersburg. (In Russ.).

11. Narskij, I. V. (2001). *Zhizn' v katastrofe: Budni naselenija Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a catastrophe: Everyday life of the Urals in 1917–1922]. 632 p. Moscow. (In Russ.).

12. Babkin, M. A. (ed.). *Rossijskoe duhovenstvo i sverzhenie monarhii v 1917 godu* [The Russian clergy and the overthrow of the monarchy in 1917] Moscow, 2006. 504 p. (In Russ.).

13. Rusakova, O. F. (2000). *Filosofija i metodologija istorii v XX veke* [Philosophy and methodology of history in the XX century]. Ekaterinburg. 372 p. (In Russ.).

14. Tihonov, V. V. (2014). Istoriki I sovetskaja vlast' v 1920–1940-e gg.: patrony i klienty [Historians and Soviet power in 1920–1940s: cartridges and customers], *Vestnik RGGU. Serija: Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie, 19 (141)*, pp. 193–204. (In Russ.).

15. Feklina, O. B. (2010). N. M. Chernavskij o principah missionerskoj dejatel'nosti [N. Chernavsky on the principles of missionary activity], *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 30 (211). Istorija. Vol. 42*, pp. 69–73. (In Russ.).

16. Shchepkin, I. (1930). Dialekticheskij materializm – na antireligioznyj front [Dialectical materialism – on the anti-religious front], *Prosveshchenie na Urale*, *3–4*. (In Russ.).